

ЭКСПОНАТЫ ВЫСТАВКИ
НОРВЕЖСКОГО ДИЗАЙНА
STRUCTURE В МИЛАНЕ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ СКАНДИНАВСКОГО ДИЗАЙНА

МИФ О СКАНДИНАВСКОМ
ДИЗАЙНЕ ЗАСТАВИЛ ВСЕГДА МИР ПОВЕРИТЬ
В ТО, ЧТО ВСЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ, БЕЛОЕ
И ИЗ ДЕРЕВА НЕПРЕМЕННО ПРОИЗВЕДЕНО
В ШВЕЦИИ, ДАНИИ, НОРВЕГИИ, ФИНЛЯНДИИ
ИЛИ ИСЛАНДИИ, ХОТЯ ГЕОГРАФИЯ НЕ ПОЗВО-
ЛЯЕТ НАЗЫВАТЬ ЭТИ СТРАНЫ ЕДИНОЙ СКАН-
ДИНАВИЕЙ. В ИХ КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗЕ ЖИЗ-
НИ МНОГО ОБЩЕГО — ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ,
ТАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ СО СТОРОНЫ, И ВСЕМУ
ОСТАЛЬНОМУ МИРУ ОНИ КАЖУТСЯ ЕДИНЫМ
ЭТНОСОМ.

МАРИЯ СИДЕЛЬНИКОВА («Ъ-СТИЛЬ. ИНТЕРЬЕРЫ», № 15 ОТ 27.04.2016)

У скандинавского дизайна как направления никогда не было ни манифестов, ни идеологов. Более того, спросите у финна, что его роднит с датчанином, и его ответ, скорее всего, начнется с перечисления различий. У датчан — мебельная промышленность, у финнов — стекольная, у шведов — товары для дома из стекла, керамики и металла. Норвежцы и исландцы поначалу выглядели приемными в скандинавской семье, но со временем прижились. Лет тридцать назад группа дизайнеров даже пыталась похоронить набивший оскомину лейбл, но потом одумалась. На мировой сцене поодиночке им было не выжить.

Наступление начала Финляндия. Финский модернизм — человечный и достаточный — уже в 1930-х имел твердую международную репутацию, а его «отец» Алвар Аалто — статус живой легенды (созданная им компания Artek до сих пор является лидером на рынке). Будь то санаторий в забытой богом провинции Паймьо или одноименное кресло, плавные линии которого словно подкапывают под сажающегося, зодчий Аалто вписывал свои создания в природу и приспособливал для человека. Это стало одной из заповедей скандинавского дизайна. У Дании был свой модернизм — «датский функционализм», и Арне Якобсен — большой поклонник Ле Корбюзье и его Pavillon de l'Esprit Nouveau — «Павильона нового духа», представленного в 1925 году на Всемирной выставке декоративного искусства в Париже. С имперским наследием великий француз, правда родившийся в Швейцарии, не церемонился: люди должны жить не во дворцах, а в удобных домах и квартирах, и точка. Концепцию «красивых и доступных вещей» продвигала и Швеция, первые результаты были заметны на выставке в Стокгольме в 1930 году.

После Второй мировой войны новый стиль был нужен как воздух, как противодействие тоталитаризму. И скандинавский дизайн пришелся весьма кстати. Демократичный, натуральный, минималистский, уютный, о доме и семье, а не о государстве — с идеологической точки зрения он

был безупречен. Настолько, что удостоился поддержки даже на государственном уровне — под патронажем королей Норвегии, Швеции и Дании скандинавский дизайн отправился покорять Америку и Канаду. С 1954 по 1957 год выставка «Дизайн в Скандинавии» объехала 24 города.

К коммерческому успеху скандинавов приложил руку и Джон Кеннеди. 1960 год. Канал CBS проводит первые в США теледебаты накануне выборов. Аудитория — 70 млн телезрителей. Сенатор Кеннеди и вице-президент Ричард Никсон сидят на простых деревянных стульях с плавной, закругленной спинкой. Это знаменитые творения датчанина Ханса Вегнера, одному из которых посчастливилось спасти спину Кеннеди от боли. Так что битву выиграл не только Кеннеди, но и «Стул» (свое незатейливое название — The Chair — он получил в США), который проснулся знаменитым и желанным. Так же, как и все звезды датского дизайна, Вегнер вышел из Датской королевской академии, где учили последовательно все упрощать. «Я хотел делать обычные вещи необычно высокого качества» — желание Вегнера стало еще одним законом скандинавского дизайна.

Знак равенства между высоким качеством и пластмассой поставил финский дизайнер Ээро Аарнио, чья ретроспектива сейчас проходит в Музее дизайна в Хельсинки. К модернизму и местным ремеслам Аарнио остыл, едва окончив Институт прикладных искусств в Хельсинки. Плести деревянные стулья в то время, как в США и Великобритании уже вовсю веселился поп-арт, ему было скучно. В 1962 году Аарнио создал футуристическое кресло-яйцо на одной ноге — Ball Chair. Через пару лет появится его младший брат — Bubble Chair. Такой же пузырь, только подвесной и прозрачный. Оба стали иконами дизайна XX века, вошли в коллекции главных мировых музеев декоративного искусства и до сих пор приносят стабильный доход своему 84-летнему создателю.

Норвежского классика, постмодерниста Терье Экстрема чествуют Музей деко-

ративных искусств и дизайна в Осло. Так же, как Аарнио, он не желал продолжать традиции «золотого века» скандинавского дизайна и тоже стремился к экспериментам. Один из них оказался очень удачным: в 1972 году Экстрем придумал стул и назвал его своим именем Ekstrem Chair. Стул этот действительно экстремальный. Сделан он из изогнутых трубок, обтянутых тканью, но выглядит так, будто бы слеплен из пластилина. Открытая, «дырявая» структура позволяет сидеть как угодно — хоть на голове. В производство стул был запущен только в 1984 году, и на этом кураторы выставки делают особый акцент. Дескать, истинный, оригинальный, бескомпромиссный дизайн не ищет коммерческой выгоды, а современные творцы только и делают, что прогибаются под вкусы рынка.

Сегодня «скандинавский дизайн» вновь в моде: перевыпускаются культовые модели, проводятся тематические торги, на которых классики каждый раз растут в цене, новому поколению скандинавов предоставляют слово профессиональные салоны — парижский Maison et Objet и миланский Salone del Mobile, а Stockholm Furniture and Light Fair, главная ежегодная ярмарка мебели и света скандинавских дизайнеров в Стокгольме, бьет рекорды по посещаемости. И вновь рождается вопрос, что же такое «скандинавский дизайн»? Только уже не XX, а XXI века. Готовых определений как не было, так и нет. Многие дизайнеры говорят, что сегодня марка скандинавов — это экодизайн. «Зеленые идеи» особенно популярны в Дании. На последнем Maison et Objet в семье молодых скандинавов был датчанин Джонас Эдвард. Работы вчерашнего выпускника Королевской академии искусств уже успели попасть в коллекции Датского музея дизайна и в Trapholt, где под одной крышей собрались и визуальные искусства, и мебель. Модные идеи «устойчивого развития» Эдвард воплощает в дизайне: его лампа MYX создана из биоразлагаемых материалов. Он ее

буквально вырастил из мицелия, отсюда и форма гриба. Две-три недели — и живая ткань готова.

Инновации — еще одна тема новейшего скандинавского дизайна. Тут отличилась Норвегия. Из кризиса 2008 года норвежцы вынесли мудрый урок: зависимость от нефти и газа опасна, рассчитывать на эти доходы не стоит, на долгосрочную перспективу нужно разрабатывать план B. Так страна взяла курс на инновации. В глобальную программу был включен и дизайн. Министерство торговли и промышленности выделяет €1,3 млн в год на развитие производства и поддержку проектов местных дизайнеров. Мебель, керамика, свет, текстиль, предметы интерьера — все сделано в Норвегии. И с ними дизайнеры колесят по всем крупнейшим выставкам — Лондон, Нью-Йорк, Париж, Милан.

С границами у скандинавского дизайна всегда было непросто, а в XXI веке от них уже почти ничего не осталось. Под маркой скандинавского дизайна сегодня работают и итальянцы, которых в той же Дании едва ли не больше, чем датчан, и скандинавы, выучившиеся и давно осевшие, например, в Лондоне или Париже, и даже в Азии есть свой скандинавский стиль. В феврале на Неделе дизайна в Стокгольме японский дом моды Issey Miyake вместе с финской фабрикой Iittala представили совместную коллекцию домашних предметов — вазы, подносы, текстиль. Подобный опыт далеко не единственный, и это подтверждают сами дизайнеры. На местные бренды часто выходят иностранные заказчики и просят придумать для азиатского рынка мебель или посуду в скандинавском стиле.

Но как бы ни штормило скандинавский дизайн и какие бы гибридные формы он ни принимал, вот уже более полувека ему удается сохранять одно удивительное свойство. Предметы северного происхождения могут ужиться где угодно и с кем угодно, и ни один даже самый капризный дизайнерский диван никогда не заставит вас переделывать под него всю гостиную. ■